

Х Р О Н И К А

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1956 ГОДА

14—22 мая в Ленинграде состоялось совещание этнографов Советского Союза, организованное Институтом этнографии АН СССР по предложению Президиума Академии наук. В совещании приняло участие около 350 делегатов из союзных и автономных республик, а также гости — ученые зарубежных стран (Франции, Китая, Чехословакии, Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии, Норвегии, Финляндии, Германской Демократической республики, Корейской Народно-Демократической Республики).

Совещание открыл директор Института этнографии С. П. Толстов. За годы, прошедшие со времени этнографического совещания 1951 г., сказал он, советские этнографы, выполняя намеченную этим совещанием программу, проделали большую работу, итоги которой будут здесь доложены. Нынешнему совещанию надлежит наметить программу дальнейших исследований на ближайшие годы, в основу которой должны быть положены задачи, поставленные XX съездом КПСС перед учеными нашей страны. С. П. Толстов обратился с приветствием к присутствующим зарубежным ученым, пригласив их принять активное участие в работе совещания.

Со словами приветствия советским ученым выступили на совещании зарубежные гости: проф. Линь Яо-хуа (КНР), проф. К. Г. Отто (ГДР), проф. К. Фойтик (Чехословакия), проф. То Ю-хо (КНДР), проф. В. Дыновский (Польша), отметившие большое значение советской этнографической науки для развития этнографии в их странах.

Работа совещания протекала на пленарных заседаниях и на заседаниях секций — истории культуры, этнической истории и этнической географии, современной культуры и быта народов СССР и стран народной демократии, современной культуры и быта народов капиталистических и колониальных стран, истории первобытного общества, антропологии, фольклора, музейной работы. На пленарных заседаниях было заслушано 16 докладов, в том числе 4 доклада зарубежных ученых.

Первым был заслушан доклад С. П. Толстова «Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР»¹. Затем выступил с докладом «Значение советской этнографии в венгерских этнографических исследованиях» президент Венгерского этнографического общества Дьюла Ортути. Передав участникам совещания приветствия венгерских этнографов и фольклористов и указав на издавна (еще с XVIII в.) существовавший интерес венгерских ученых к России, Д. Ортути вкратце сообщил об этнографических и фольклорных изданиях в новой Венгрии, о работе, проводимой в послевоенные годы в области изучения народного творчества (особенно — музыкального фольклора: труды З. Кодай, Б. Саболчи, Б. Бартока), а также в исследовании быта рабочих. Докладчик подчеркнул большое значение для развития венгерской этнографии и фольклористики вырабатываемых советскими учеными методов исследования, сообщив, в частности, об интересе, вызываемом нашими фольклорными дискуссиями. В заключение Д. Ортути передал пожелание венгерской научной общественности, чтобы советские этнографы и фольклористы планомерно и в более широком масштабе публиковали свои работы в Венгрии и чтобы связи между учеными обеих стран крепли и расширялись.

В прениях выступил ряд делегатов от научных этнографических учреждений. К. Г. Гуслистый (АН УССР) сообщил, что коллектив украинских этнографов занят в основном подготовкой раздела «Украинцы» для издаваемой Ин-том этнографии АН СССР серии «Народы мира». На ближайшие годы перед этим коллективом стоит задача создания учебника этнографии для ВУЗ'ов; намечено приступить к работе над

¹ Доклад С. П. Толстова, а также доклады Л. П. Потапова, П. И. Кушнера, Линь Яо-хуа и доклад Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянской и Л. Н. Терентьевой публикуются в настоящем номере журнала; остальные намечены к публикации в ближайших номерах «Советской этнографии» и в «Кратких сообщениях Ин-та этнографии».

историко-этнографическим атласом и выпустить ряд монографий по отдельным вопросам этнографии Украины. С помощью Ин-та этнографии АН СССР возобновляются антропологические исследования на Украине, свернутые в последние годы. С. П. Толстов, сказал далее выступавший, прав, считая нетерпимым положение, при котором в столице нашей родины Москве отсутствует этнографический музей. Так же нетерпимо это и в отношении Киева; каждая из наших республик должна иметь такие музеи. В докладе С. П. Толстова недостаточно внимания, указал он, уделено вопросам координации этнографической работы, проводящейся в наших республиках, в частности в области изучения русского, украинского и белорусского народов. Необходимо ликвидировать отставание в этом отношении. В журнале «Советская этнография» не стоят на должной высоте вопросы критики и самокритики; журнал еще не стал трибуной научной критики, к развертыванию которой нас призывает XX съезд КПСС. Редакция журнала не организует дискуссий по актуальнейшим вопросам. Между тем этнографы чувствуют потребность обменяться мнениями, например, по вопросу о предмете и задачах этнографии,— следовало бы поставить его на обсуждение на страницах журнала и даже созвать специальное совещание. Не освещается журналом и такой важный вопрос, как проблема формирования славянских народов, а такие вопросы можно изучать только комплексно, с участием исследователей русского, украинского и белорусского народов и специалистов смежных дисциплин. Следовало бы по примеру «Вопросов истории» организовать конференцию читателей журнала «Советская этнография». Осуществление всех этих мероприятий помогло бы решению задач, которые ставит перед советской исторической наукой XX съезд КПСС. В заключение тов. Гуслыстый высказал пожелание, чтобы следующее этнографическое совещание было создано в Киеве.

В. И. Цинциус (Ленинградский гос. пед. ин-т им. Герцена) сообщила о набравших вопросах изучения народностей советского Севера и Дальнего Востока. За последние годы, сказала она, многие мероприятия по подъему их культуры, проводившиеся в довоенное время, сведены на нет. Между тем огромный разворот социалистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке требует особого внимания к этим народностям. Очень сузилась проводимая в Ленинграде работа по подготовке кадров учителей и советских работников из среды северных народов. Почти свернуто преподавание их языков; этому отводится всего два часа в неделю. Мы не издаем ни словарей, ни грамматик, ни учебников для старших классов, ни фольклорных текстов, которые собраны в огромном количестве. Так, например, в Географическом обществе лежат без движения тысячи страниц первоклассного фольклорного материала на языках народов Севера. Необходимо публиковать материалы по фольклору, языкам и этнографии народов Севера на страницах «Советской этнографии», либо создать для этого особый печатный орган. Этнографы должны оказывать активную помощь в социалистическом переустройстве жизни народов Севера.

А. И. Залесский (АН БССР) высказал ряд практических замечаний в адрес Института этнографии АН СССР в связи с его деятельностью по координации и руководству этнографическими учреждениями СССР. Славяно-русский сектор Института, с которым белорусские этнографы связаны больше всего, не оказывает, по словам А. И. Залесского, должной помощи в вопросах изучения современного рабочего быта; сектор не поддержал А. И. Залесского в выполнении работы, освещающей влияние борьбы с фашистскими оккупантами на быт белорусских колхозников.

В. В. Томашевский (Дальневосточный филиал АН СССР) отметил, что вскрытые на XX съезде КПСС серьезные недостатки в области общественных наук особенно заметны в изучении археологии, этнографии и истории Дальнего Востока. После ликвидации Дальневосточного университета вопросами этнографии Дальнего Востока никто не занимался. Между тем исследование этих вопросов поможет решению ряда актуальных проблем, касающихся не только СССР, но и стран Восточной Азии. В настоящее время молодыми этнографами ведется изучение китайских материалов, посвященных прошлому Приморья, закончена большая монография, посвященная истории нанайской народности до XVII в., один из аспирантов изучает удэгейцев. Но отсутствие средств и научных кадров мешают развертыванию работ по другим народностям, а это особенно важно в отношении Чукотки и Камчатки.

Е. П. Бусыгин (Казанский филиал АН СССР) отметил необходимость активизировать изучение отдельных групп русского народа, живущих на огромной территории нашей страны, зачастую вперемежку с другими народами, и потому отличающихся некоторыми особенностями быта. Таковы, например, русские, живущие в Среднем Поволжье. Местные научные учреждения отпускают на этнографические исследования незначительные средства, а вопросы изучения русского населения совершенно игнорируют. В составе Казанского университета имеется замечательный этнографический музей, но этнография в Университете не в почете, и отстоять ее дальнейшее существование стоило больших трудов. Другой набравший вопрос — о преподавании этнографии в ВУЗ'ах. Решение совещания 1951 г. по этому вопросу поныне осталось не реализованным. Этнография преподается студентам-историкам так, что они воспринимают ее как подсобный предмет, а оканчивающие географический факультет, по существу, ничего не знают о населении тех стран, географию которых они изучают. Изучение этнографии осложняется отсутствием учебника по этой дисциплине. Институт этнографии АН СССР проявляет в этом отношении недопустимую медлительность.

П. И. Кушнер (Ин-т этнографии) отметил как недостаток работы центральных этнографических учреждений слабую связь с местными этнографами и краеведами, интересующимися этнографией. Проводившее большую этнографическую работу Общество краеведения с 1935 г. прекратило свое существование. Бывшие ранее опорой этой работы краеведческие музеи захирели, так как этнография, изучение людей, населяющих данную территорию, устранена из экспозиции. Необходимо поднять краеведческое движение, поддержать музейную краеведческую базу и дать всей этой работе правильное направление.

Отвечая А. И. Залесскому, П. И. Кушнер отметил, что методика изучения быта рабочих в самом Институте этнографии еще недостаточно разработана. Что касается изучения русского народа, то оно ведется в Институте этнографии в нескольких аспектах: изучается как его современная жизнь, для чего ведутся стационарные и тематические исследования, так и его жизнь и культура в прошлом. Этому посвящен создаваемый Институтом «Русский этнографический атлас», одной из задач которого является выяснение истоков культуры русского народа и путей ее развития.

В. В. Пименов (Петрозаводский историко-краеведческий музей) отметил в качестве серьезного пробела в научной деятельности советских этнографов недостаточное внимание к разработке теоретических вопросов, а также к пропаганде этнографических знаний. Необходимо, в частности, приступить к изданию серии исследований, посвященных отдельным представителям этнографической науки, тем самым способствуя ее популяризации. Имеются серьезные недостатки и в области собирательской работы: незаслуженно забыт, например, такой метод, как сбор материалов путем рассылки анкет. Журнал «Советская этнография» недостаточно оперативен, так как выходит всего 4 раза в год; желательно сделать его ежемесячным. Следовало бы также возродить традицию выпуска этнографических журналов в союзных республиках.

На следующем пленарном заседании были заслушаны доклады: Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой (Ин-т этнографии) — «Русская народная одежда как источник изучения этнической истории», Цв. Тодорова-Белчева (Болгарская академия наук) — «Принципы этнографических исследований», П. И. Кушнера — «Изучение семьи и семейного быта колхозного крестьянства народов СССР». В первом из этих докладов были освещены результаты изучения русской народной одежды, проводившегося в связи с подготовкой Русского этнографического атласа. В докладе проф. Тодорова-Белчева основное место занял вопрос о комплексности исследования процессов этногенеза — с привлечением данных в первую очередь этнографии, затем археологии, фольклора, письменных источников, диалектологических материалов, топонимики и ономастики, а также статистических данных. Докладчик подверг критическому рассмотрению попытки некоторых ученых проводить этногенетические исследования на основе отдельно взятых этнографических признаков (типов одежды, жилища и т. п.), подчеркивая, что только комплексная разработка проблем этногенеза может привести к положительным результатам.

Выступившая в прениях по первому из этих докладов Т. А. Жданко (Ин-т этнографии) остановилась на вопросе о картографировании этнографического материала, собранного в процессе подготовки Русского атласа; она указала на сложность и значение этой работы, знаменующей собой новый, более высокий уровень развития этнографической науки, ибо при картографировании выявляются такие черты культуры и быта, которые нельзя установить путем простого описания этого материала. Н. И. Гагентаорн (Ин-т этнографии) указала на то, что при изучении отдельных элементов русской народной одежды очень важно было бы привлечь болгарский материал, позволяющий уточнить происхождение этих элементов и их датировку. Следует также уделять внимание расцветке одежды; попытаться положить ее на карту, о чем в докладе не упоминалось. М. Н. Преображенская (Ин-т языковедения АН СССР) сообщила о широко развернувшейся работе по изучению диалектов народов СССР, в частности — по составлению карт русских народных говоров, и выразила сожаление о том, что лингвисты и этнографы работают разобщенно, не обмениваясь взаимной информацией. Она обратилась к этнографам с призывом включиться в проводимую лингвистами работу, что дало бы весьма ощутительные результаты при исследовании проблем, относящихся к обоим этим отраслям науки.

В. И. Герасимова (Гос. музей этнографии народов СССР) отметила большое значение вырабатываемого в Институте этнографии метода картографирования собранного материала; вместе с тем она высказала сожаление о том, что Институт не использует материалов, подготовленных сотрудниками Музея, не привлекает их к участию в работе над атласом.

Несколько выступлений вызвал доклад П. И. Кушнера. В. Ю. Крупянская (Ин-т этнографии), отметив научную и практическую значимость изучения колхозной семьи, остановилась на важности привлечения статистических данных при разработке этой темы. Однако при анализе этих данных необходимо сопоставлять их с другими материалами; так, при определении средней численности семьи большое значение имеет сопоставление цифровых показателей с данными о структуре семьи, ее поло-возрастном составе и т. п. Следует обратить серьезное внимание на изучение семейной обрядности, при этом в порядке не только констатации бытующих обрядов как пережиточных явлений, но и выявления тех условий, которые способствуют сохранению религиозной обряд-

ности. Проф. Б. Н. Вишнеvский заметил, что затронутый в докладе П. И. Кушнера вопрос о средней численности колхозной семьи имеет большое значение. Данные последней переписи значительно устарели и следует рекомендовать всем полевым работникам — этнографам и диалектологам включить в программу своих исследований вопрос о численности колхозной семьи. Собранные материалы дадут возможность выяснить причины колебания ее численности и направление происходящих в ней процессов. А. И. Залесский высказал пожелание, чтобы при изучении колхозной семьи было уделено внимание исследованию влияния второй мировой войны на семейный быт крестьян тех районов, которые подверглись фашистской оккупации.

С. М. Абрамзон (Ин-т этнографии) посвятил свое выступление вопросам, связанным с докладом проф. Тодорова-Белчева. Он подчеркнул правильность содержащихся в докладе положений, касающихся необходимости применения комплексного метода этногенетических исследований, но отметил, что докладчик не сообщил, как этот метод применяется болгарскими этнографами. С. М. Абрамзон поделился опытом работы этнографического отряда Киргизской экспедиции АН СССР, собравшего обильный материал по целому комплексу тем — родоплеменному составу населения, экономике, историческим преданиям, связанным с этнической историей исследованных групп киргизов, их материальной культуре, обычаям и обрядам, народному изобразительному искусству. Эти материалы, наряду с данными археологических и антропологических исследований, лягут в основу разработки проблемы происхождения киргизского народа.

О. А. Сухарева (АН Узб.ССР) указала на своевременность постановки С. П. Толстовым вопроса об организации этнографического изучения зарубежных народов, имеющих близкие культурные и этнические связи с народами СССР. Для Узбекистана это — Китай, Иран, Индия, Афганистан; изучение населения этих стран будет иметь большое значение для исследования культуры народов Средней Азии. Второй вопрос, требующий срочного разрешения, — о преподавании этнографии в ВУЗах, особенно в педагогических институтах. Для учителей совершенно обязательно знакомство с этнографией того народа, среди которого они будут работать. Между тем преподавание этнографии в этих институтах поставлено крайне плохо. Большой интерес вызывает доклад проф. Тодорова-Белчева, который четко определил ведущую роль этнографии в изучении поздних этапов этногенеза.

Одно из заседаний совещания было отведено докладам, посвященным методике проведения полевых исследований. С докладом «Принципы и методы полевой этнографической работы» выступил Г. С. Читая (АН Груз. ССР). При всех успехах и достижениях советской этнографии, сказал он, вопросам методики полевой работы до последнего времени уделялось недостаточно внимания. Между тем спецификой этнографической науки, отличающей ее от других исторических дисциплин, как раз является то, что она черпает материал для своих исследований в непосредственном наблюдении живой действительности. Г. С. Читая подробно охарактеризовал метод грузинских этнографов, называемый ими «комплексно-интенсивным», подкрепив свои положения конкретными примерами.

Затем был заслушан доклад сотрудников Института этнографии АН СССР Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянской и Л. Н. Терентьевой — «Методика полевых этнографических исследований». Доклады вызвали оживленный обмен мнениями. К. Л. Задыхина (Ин-т этнографии) отметила, что они имеют не только методический, но и практический интерес, так как помогут правильно поставить экспедиционные исследования, проводимые в больших масштабах по всему Советскому Союзу, и координировать их, с тем чтобы собранные материалы могли быть сопоставлены и стали бы прочной основой для научных выводов. К. Л. Задыхина указала на необходимость, с одной стороны, организовать сбор вещевых коллекций при проведении полевых этнографических исследований, а с другой — сбор музейными работниками, наряду с коллекциями, и научного этнографического материала. А. С. Куницкий (АН УССР), сделав несколько замечаний по докладу сотрудников Института этнографии АН СССР, остановился на вопросах изучения быта рабочих. Большой интерес, сказал он, представляют проводимые В. Ю. Крупянской исследования быта уральских рабочих. Подход к изучению как колхозного крестьянства, так и рабочих должен быть принципиально единым. Работе этнографов во многом могут помочь краеведческие музеи. К сожалению, этнографических материалов, особенно современных, в этих музеях мало. Это обедняет их экспозицию и умаляет возможность их живой связи с населением, более активного воздействия на народные массы. Тов. Дьяконов (Географическое об-во) отметил наблюдающееся еще недопонимание важности этнографической науки. Изменению подобного положения могла бы содействовать публикация популярных работ, которые привлекли бы внимание к изучению этнографии. Тов. Дьяконов подчеркнул необходимость восстановления научного контакта между этнографами и географами и тесной увязки их работы. Это таит в себе большие возможности для комплексного разрешения ряда важнейших вопросов. Кроме того, географы при своих многочисленных, охватывающих обширную территорию поездках могли бы помочь в сборе этнографических материалов; для этого этнографы должны разработать специальные программы. Л. П. Шевченко (АН УССР) поделилась опытом работы украинских этнографов в области исследования быта колхозников, подчеркнув при этом необходимость изучения мировоззрения и религиозных обычаев народа с целью борьбы с религиозными пережитками, с одной стороны, и показа процесса:

исчезновения этих пережитков и формирования нового мировоззрения,— с другой. Н. И. Воробьев (Казанский филиал АН СССР), положительно оценив заслушанные доклады, внес предложение — помимо разработки программ подготовить специальное руководство по методике этнографических исследований, с приложением методических материалов. В докладе сотрудников Института этнографии АН СССР, сказал он далее, правильно указано на важность изучения межнациональных связей и взаимовлияний соседних народов. Н. И. Воробьев указал на необходимость предоставления полевым этнографам специальных средств на приобретение вещевых коллекций. Г. Е. Стельмах (АН УССР) выразил сожаление, что на обсуждение совещания не поставлен вопрос о предмете этнографии, и подчеркнул необходимость развертывания самокритики в среде этнографов. Е. Н. Студенецкая (Гос. музей этнографии народов СССР) обратила внимание на необходимость разрабатывать методику работы не только больших, комплексных, но и небольших экспедиций, а также индивидуальных поездок этнографов. Она отметила также значение сбора материалов путем анкет и записи биографий рабочих, колхозников и др.; эти записи явятся объективным документальным материалом не только для настоящих, но и для будущих исследований. К. Г. Гуслистый указал на то, что докладчики не упомянули о методах полевой работы, выработанных нашими предшественниками — дореволюционными исследователями. Их опыт необходимо учитывать. Вообще надо уделять больше внимания истории науки. Недостатком данного совещания является то, что не выделена секция историографии. А. К. Писарчик (АН Тадж. ССР) поделилась опытом исследования отдельных тем во время маршрутных поездок, проводимых этнографами Таджикистана. Подчеркнув большое значение комплексных экспедиций, дающих возможность сопоставления материалов, собранных специалистами смежных дисциплин, она вместе с тем указала на трудность организации таких экспедиций отдельными республиками вследствие недостатка средств и кадров. Далее А. К. Писарчик остановилась на недостатках в изучении современного быта, одним из которых является тенденция к фиксации только передовых черт быта, к некоторой лакировке действительности,— в частности в вопросе об изживании религиозных пережитков. Под современным бытом надо понимать не только его прогрессивные, возникшие после революции черты, но и обширный комплекс явлений, многие из которых уходят корнями в предшествующие века. Я. Р. Винников (Ин-т этнографии) отметил как существенный недостаток в работе комплексных экспедиций слабое участие в них республиканских этнографических учреждений. Важным пробелом в работе экспедиций является недостаточное внимание к исследованию этнического состава населения. А. И. Робакидзе (АН Груз. ССР) указал на недостаточно полное и всестороннее изучение этнографами наблюдаемых ими конкретных фактов; в докладе П. И. Кушнера правильно отмечено, что ряд исследований, посвященных современному семейному быту, страдает схематизмом, так как выдвигаемые авторами положения не подкрепляются фактическим материалом; вопросам методики исследования, которые подробно и правильно освещены в докладе Г. С. Читая, на данном этапе развития этнографии следует уделять особое внимание.

На совещании были заслушаны доклады М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова (Ин-т этнографии АН СССР) — «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области»², проф. Линь Яо-хуа (Ин-т нацменьшинств в Пекине) — «Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в КНР» и П. Е. Терлецкого (Ин-т этнографии) — «О принципах составления карты народов мира». П. Е. Терлецкий охарактеризовал разработанный в Институте этнографии метод этнического картографирования, заключающийся в сочетании показа на одной и той же карте этнического состава и плотности населения. Этот метод дает возможность показать на карте характер расселения отдельных народов и одновременно отразить их численность.

Выступивший по докладу М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова С. А. Токарев (Ин-т этнографии) подчеркнул важное значение разработки понятия хозяйственно-культурных типов и их конкретного изучения, что является серьезной заслугой советских ученых. В частности, разработанное ими учение о хозяйственно-культурных типах и выводы, к которым они пришли, помогают понять неравномерность хода исторического развития и тем самым близко подойти к объяснению причин отставания отдельных народов. М. А. Каплан (Гос. музей этнографии народов СССР), отметив глубокий интерес, вызванный заслушанным докладом, указала, что, по ее мнению, данное докладчиками определение хозяйственного типа древнего населения бассейнов крупных рек Сибири как оседлых рыбацких не совсем точно; это были не только рыбацкие, но и бродячие охотники. Отнесение их только к рыбакам не дает возможности, с одной стороны, правильно решить вопрос об их этногенезе, с другой стороны,— показать в должной мере те колоссальные изменения, которые произошли в жизни этих народов в ходе их хозяйственного развития, особенно в годы Советской власти. К. Г. Отто (Берлинский ун-т) указал на значение для археологов разработки проблем первобытного общества этнографами. Он поставил перед докладчиками ряд вопросов, подлежащих дальнейшему исследованию: в какой мере хозяйство и географическая среда

² Основные положения доклада изложены в одноименной статье тех же авторов, опубликованной в журнале «Советская этнография», 1955, № 4.

вливают на конкретные особенности материальной и духовной культуры; существует ли закономерная связь между типом хозяйства и идеологическими представлениями; при каких условиях происходит взаимовлияние хозяйственно-культурных типов; каков характер этих взаимовлияний в случае одинакового или различного уровня развития производительных сил; при каких условиях один хозяйственно-культурный тип развивается в другой и т. д. Проф. Отто поставил также вопрос о дальнейшей классификации хозяйственно-культурных типов тропических, умеренных, степных и лесных районов.

Ряд участников совещания (С. П. Толстов, С. И. Брук, Б. О. Долгих, Р. Ф. Итс) выступил по докладу проф. Линь Яо-хуа, отметив, что этот доклад свидетельствует об огромной работе, проделанной китайскими этнографами за короткий период существования Китайской Народной Республики, а также о значении их исследований для правильного проведения национального строительства. Китайскими этнографами открыты ранее неизвестные народности, описана их хозяйственная, общественная и культурная жизнь. Вместе с тем выступавшие отметили, что китайские и советские ученые работают еще в отрыве друг от друга, что не может не сказаться на их работе. Так С. И. Брук указал, что в представленной китайскими учеными этнической карте имеются недостатки, уже преодоленные советскими картосоставителями: легенда к карте не дает представления о родстве отдельных народов; не показаны районы, смешанные по национальному составу населения. С другой стороны, подчеркнул С. П. Толстов, опыт работы советских этнографов над подготовкой тома «Народы Юго-Восточной Азии» показал, что без участия китайских ученых успешно выполнить эту работу невозможно. Развитие контакта между учеными обеих стран явится основой более успешного развития науки и в Китае, и в Советском Союзе.

Далее были заслушаны доклады: И. Влэдуциу (Академия наук Румынской Демократической Республики) — «Развитие этнографии в Румынии в условиях народно-демократического строя», А. И. Першица (Ин-т этнографии) — «Некоторые проблемы истории первобытного общества» и С. А. Токарева — «Проблемы происхождения и ранних форм религии». За 12 лет, прошедших со времени освобождения от фашистского ига, сказал И. Влэдуциу, румынская наука достигла больших успехов, значительно развилась и румынская этнография. Обрисовав вкратце путь, пройденный румынской этнографией в прошлом (с XVI—XVII по XX в.), докладчик остановился на проводимых в настоящее время работах в области этнографии и фольклористики, на организационных мероприятиях по созданию этнографических учреждений и развертыванию их деятельности, а также на вопросах подготовки этнографических кадров. В заключение И. Влэдуциу обратился к советским ученым с призывом помочь румынским этнографам в развертывании их исследований.

А. И. Першиц посвятил свой доклад вопросам экономики первобытного общества, исследование которых имеет важное значение при разрешении ряда проблем первобытной истории. Особенно это касается вопроса о формах собственности, без выяснения специфики которых нельзя объяснить сущность важнейших этапов первобытно-общинного строя, их генезис и развитие. Изучение форм собственности имеет большое значение и для уточнения периодизации первобытной истории. В советской науке, сказал далее докладчик, остаются дискуссионными вопросы, касающиеся понятия первобытного человеческого стада, а также вопрос о патриархате, который одни исследователи связывают с этапом расцвета, другие — с этапом разложения первобытного общества. Анализ производственных отношений, характерных для патриархального рода, позволяет развить аргументацию в пользу последней точки зрения.

С. А. Токарев, разъяснив, что под «формой религии» он понимает «совокупность связанных между собой верований и обрядов, отражающих определенный тип общественных отношений или определенный вид человеческой деятельности», остановился на характеристике древнейших форм религии (к числу которых он относит тотемизм, вредоносную магию, знахарство и т. п.). Упомянув далее о формах религии, складывающихся на поздних этапах первобытно-общинного строя или в период его разложения (родовые и семейные культы, шаманизм, культ племенных богов, земледельческие, промысловые культы и т. д.), докладчик отметил известную условность даваемой им классификации, но указал, что такая разбивка материала позволяет подойти к анализу исторически сложившихся форм религии в их конкретной специфике, к пониманию их материальных корней и в конечном итоге — к пониманию общего процесса развития религии.

Ввиду позднего времени обсуждение двух последних докладов было перенесено на заседание секции истории первобытного общества.

На секционных заседаниях было заслушано 149 докладов, из них 5 докладов зарубежных ученых.

На заседаниях секции истории культуры было прослушано 20 докладов. Темы докладов были очень разнообразны, но большая часть их сосредоточилась вокруг трех основных вопросов: история земледелия, история жилища и поселений и история письменности. Из первой группы докладов наибольший интерес вызвал доклад Л. А. Молчановой (АН БССР) — «Из истории земледельческих орудий белорусов». В нем была сделана попытка классифицировать пахотные и другие земледельческие орудия Белоруссии, наметить области распространения каждого типа, проследить культурные связи белорусов с соседними народами. Выступавшие в прениях отметили

ценность доклада, основанного на новых экспедиционных сборах, но указывали на желательность расширить сравнительно-этнографическое исследование земледельческих орудий совместными силами ученых ряда стран. Вопросам истории земледелия посвящены были также доклады А. С. Бежковича (Гос. музей этнографии народов СССР) — «К истории земледелия у восточных славян» и Е. П. Бусыгина — «Техника сельского хозяйства русского населения Среднего Поволжья до 1917 г.».

Проблем истории жилища касались доклады И. В. Маковецкого (АН СССР), Г. Г. Громова (МГУ), Б. Х. Кармышевой (АН Тадж. ССР) и др. И. В. Маковецкий в своем докладе «Изучение архитектуры русского народного жилища в Институте истории искусств АН СССР» расказал о большой работе, проводимой Институтом в данном направлении, и о ее результатах. Выступившие в прениях высказали единодушное пожелание, чтобы к этой работе были привлечены местные научные организации и музеи и чтобы был создан особый музей архитектуры для сохранения памятников народного зодчества, которые нередко гибнут, особенно в районах нового строительства. Г. Г. Громов в своем докладе «К вопросу о формировании типов крестьянского жилища среднерусской полосы» попытался по-новому поставить вопрос о происхождении традиционных типов и особенностей крестьянского жилища: вразрез с общепринятым мнением о том, что эти типы и особенности обнаруживаются еще в Киевской Руси и даже раньше, докладчик старался показать, что типичные черты среднерусского жилища не старше XVIII в. В прениях по докладу отмечался интерес новой постановки вопроса, но указывалось (Г. С. Маслова), что привлеченный материал еще недостаточен, чтобы на нем строить решительные выводы. В докладе Б. Х. Кармышевой «Жилище узбеков-карлуков» дано описание оригинальной примитивной формы кочевого жилища карлуков — полусферического шалаша на неразборной деревянной основе, крытого войлоком; его можно считать одной из исходных форм известного «тюркского» типа решетчатой разборной юрты (в отличие от «монгольского» типа, ведущего свое происхождение, может быть, от конического шалаша). Последовала оживленная дискуссия, участники которой единодушно отметили большой интерес доклада. Общий интерес возбудил также доклад О. А. Сухаревой «Быт жилого квартала г. Бухары XIX — начала XX в.», посвященный своеобразным пережиткам соседской общины, сохранившимся в условиях феодальной Бухары. Доклад сотрудников Ин-та этнографии Б. В. Андрианова и Г. П. Васильевой «Археолого-этнографическое изучение туркменских поселений середины XIX в.» был посвящен итогам обследования остатков поселений на левобережье Аму-Дарьи, покинутых туркменами вследствие высыхания оросительных каналов.

В целом доклады, посвященные истории поселений и жилищ, показали, что за последние годы советские ученые сделали в этом направлении довольно много.

Вопросам истории письменности были посвящены доклады сотрудников Ин-та этнографии Д. А. Ольдерогге и Ю. В. Кнорозова и Н. А. Бутинова. Д. А. Ольдерогге в своем докладе «Письменность народов Западного Судана до европейской колонизации» привел фактические доказательства существования оригинальной системы письма в Западном Судане и сделал попытку объяснить загадочные знаки на некоторых предметах. Ю. В. Кнорозов познакомил собравшихся с результатами своих исследований письменности древних майя (частью уже опубликованных) и дал общее сопоставление систем письма майя и других народов Центральной Америки, поставив вопрос об их исторических связях. Совершенно новыми были результаты (пока предварительные) исследования Н. А. Бутиновым и Ю. В. Кнорозовым памятников письма о-ва Пасхи. Докладчики показали две дощечки с идентичными текстами (в дополнение к трем, ранее обнаруженным В. Г. Кудрявцевым). На некоторых дощечках выявлены многократно повторяющиеся группы знаков и такие части текста (ряды), где различные знаки, сочетания и группы заключены между одинаковыми (инициальными) знаками. По идентичным текстам, устойчивым сочетаниям и инициальным знакам оказалось возможным выделить самостоятельные группы слов и отдельные слова. Ограниченное число знаков и сильная их стандартизация говорят о том, что письмо о-ва Пасхи передает звуковую речь. Большое число удвоенных (двух рядом стоящих одинаковых знаков) точно соответствует удвоенно морфем, обычному в полинезийских языках. Наряду с идеограммами в текстах обнаружены ключевые и фонетические знаки. Докладчики подвергли анализу каталог Метро — Яуссена и внесли в него ряд уточнений. Среди рядов обнаружен список растений, привезенных на о-в Пасхи «королем» Хоту-Матуа (в том числе перечень различных сортов ямса), список названий рыб, список убитых и генеалогия. В заключение докладчики дали характеристику двух рядов: «ряда Хоту-Матуа» (приведенного на четырех дощечках) и генеалогического (из дощечки Ла Топаз), — и привели примеры чтения отдельных слов. Секция приняла решение рекомендовать доклад к публикации.

Л. П. Потапов (Ин-т этнографии) в интересном докладе «Опыт применения историко-сравнительного метода в изучении памятников древнетюркской письменности» попытался дать новое истолкование известному термину «Отюкэн» (означающему название местности и в то же время божества древних монголов), встречающемуся в средневековых памятниках.

Большое внимание привлек доклад В. В. Бардавелидзе (АН Груз. ССР) «Храмовое скотоводческое хозяйство по этнографическим пережиткам горцев Восточной Грузии». В храмовом хозяйстве горно-грузинских общин сохранились пережитки

общинного владения скотом. Этот факт имеет большое научное значение, так как этнография почти не располагает фактами коллективной собственности на скот.

С содержательными докладами выступили на заседаниях секции зарубежные гости. Проф. К. Вилькунна (Хельсинкский ун-т) в докладе «Применение комплексного этнографического метода к проблеме изучения лососевых промыслов в Финляндии» познакомил присутствующих с результатами изучения рыболовства финскими этнографами. Проф. С. Сольгейм (Ин-т фольклора в Осло) сделал доклад «Исследования развития крестьянских общин в Норвегии». Слушатели проявили большой интерес к этому важному направлению работы норвежских этнографов. И. Влэдуйцу выступил с докладом «Типы скотоводческих хозяйств в горных районах Восточной Румынии», в котором поделился предварительными итогами своей работы по исследованию горно-скотоводческого хозяйства. Активное участие иностранных гостей в работах Секции еще раз показало важность международного сотрудничества в области этнографии.

Секция современной культуры и быта народов СССР и стран народной демократии провела 6 заседаний. Было заслушано 19 докладов, из которых пять касались методики изучения быта рабочих, пять — изучения семейного быта и духовной культуры колхозного крестьянства, один — истории свадебного обряда, пять — изучению современных поселений и типов народного жилища, остальные три представляли собою краткие этнографические обзоры различных сторон культуры и быта отдельных народов. В этой же секции был заслушан доклад проф. Линь Яо-хуа «Характеристика национальных меньшинств Китая».

Этнографическое изучение быта рабочих ведется этнографами СССР и некоторых стран народной демократии уже в течение ряда лет; на секционном заседании была сделана попытка обобщить то, что сделано, и наметить дальнейшие пути исследования. Особенно важно было выработать единую методику изучения. Однако обсуждение пяти докладов по этой тематике показало, что унифицировать различные подходы к изучению быта рабочих пока еще рано и что, по существу, ни у кого из докладчиков нет такого оправданного себя опыта, который мог бы быть рекомендован другим. В. Ю. Крупянская в докладе «Основные задачи и методика этнографического изучения рабочих на основе русского материала» исходила из теоретических установок об особой роли рабочего класса в создании предпосылок для социалистической перестройки быта в период перехода от капитализма к социализму. Она подчеркнула необходимость глубокого изучения процесса формирования рабочего класса и сложения особых форм его быта, не ограничиваясь описанием его современного быта. Проф. К. Фойтика в докладе «О результатах исследования культуры и быта рабочих Чехословакии» не только изложил свои теоретические установки, но и поделился опытом произведенного им исследования. Он привел примеры изменения быта горняков по мере того, как из пришельцев в данной местности, первоначально терпевшихся среди окружающей их массы крестьянского населения, они становились старожилыми и численно росли. К сожалению, это интересное исследование проф. Фойтика останавливается на пороге современности и поэтому не дает представления об этнографических особенностях рабочих-горняков в настоящее время.

М. Т. Ломова (Гос. музей этнографии и художественных промыслов АН УССР) в докладе «Об изучении семейного быта рабочих Донбасса» подвела некоторые итоги произведенного ею по семейному анкетного обследования среди металлургов и шахтеров. Сопоставляя данные анкеты со сведениями о жизни рабочих семей в дореволюционном прошлом, она обратила внимание слушателей на те процессы, которые происходят в современной рабочей семье. Ее выводы о средней численности рабочих семей, о степени участия женщин в производстве, о взаимоотношениях внутри рабочей семьи и изменениях, которые произошли в этих взаимоотношениях после Октябрьской революции, не противоречат наблюдениям других этнографов, но требуют некоторых уточнений. В прениях по докладу отмечалось, что исследование развертывается интересно и его нужно продолжить среди рабочих других отраслей промышленности.

А. С. Куницкий, приведший в обоснование своего доклада «Некоторые вопросы методики полевых этнографических исследований быта рабочих УССР» многочисленные примеры из полевой практики последних лет, указал на то, что для изучения быта рабочих вполне возможно использовать методы, накопленные этнографами при изучении быта крестьян. Он подчеркивал необходимость тщательного изучения современности и отрицал целесообразность поисков этнографической специфики рабочего быта в далеком прошлом — в эпоху формирования рабочего класса.

В. В. Пименов ограничился в своем докладе «К вопросу об этнографическом изучении рабочего класса» соображениями о том, какую роль играет рабочий класс в процессе формирования нации, и проиллюстрировал свои положения несколькими примерами из современной жизни рабочих Карелии.

Секция признала, что методы, рекомендуемые докладчиками, заслуживают внимания, но так как ни одно из исследований не доведено до конца, следует дожидаться окончания начатых работ и лишь после этого подвергнуть их детальному обсуждению. Желательно, чтобы Институт этнографии АН СССР созвал в конце 1956 или начале 1957 г. специальное совещание по этой теме.

Доклады А. И. Залесского «Семейный быт белорусских колхозников», Л. Н. Терентьевой «Опыт изучения культуры и быта колхозного крестьянства Латвии», И. В. Чкония (АН Груз. ССР) — «Семья и семейный быт колхозного

крестьянства Грузинской ССР», М. А. Бикжановой (АН Узб. ССР) — «Эволюция форм узбекской семьи за годы советской власти» и Л. А. Пушкаревой (Ин-т этнографии) — «Об изучении быта и духовной культуры русского колхозного крестьянства» показали, что эта тематика разрабатывается многими этнографами; в самом недалеком времени ими будет опубликован ряд монографий. Несмотря на то, что исследователи не придерживаются единой программы, результаты изучения вполне сравнимы и дают возможность обобщения процессов, происходящих в семейном быту разных народов. Обращает внимание, однако, неразработанность терминологии, относящейся к формам современной семьи; среди этнографов нет единства в понимании таких терминов, как «большая неразделенная семья» и «малая отдельная семья». Некоторые считали такие определения излишними, так как обычная терминология — «большая» и «малая семья» общепризнана этнографами.

Большой интерес вызвал доклад А. И. Вишняускайте (АН Лит. ССР) «Современная литовская свадьба», показавший, что эта тема дает возможность наблюдать и изучать процесс изменения народной психологии и приспособления старых обрядовых форм к новому быту.

Доклады о современных формах поселения и о типах народного жилища: Г. Е. Стельмаха (АН УССР) — «Типы колхозных селений на Украине в советский период», А. И. Робакидзе (АН Груз. ССР) и З. Д. Гагловой (Юго-Осетинск. н.-и. ин-т) — «Современное крестьянское жилище в Грузинской ССР», Г. А. Чачашвили (АН Груз. ССР) — «Культура и быт современного Самгорского селения» и У. Шалекенова (Кара-Калпакский н.-и. ин-т) — «Жилище каракалпакского колхозного крестьянства» — не вызвали больших прений. В докладе А. И. Робакидзе членов секции заинтересовало районирование типов грузинского народного жилища, исторически сложившихся в отдельных географических областях. Приведенные в докладе Г. А. Чачашвили сведения об отражении в современных жилищах жителей Самгорского селения этнической специфики отдельных групп населения показали, как сильно народные традиции в современном крестьянском быту.

Из трех кратких этнографических обзоров — М. А. Қаплан (Гос. музей этнографии народов СССР) — «Современная культура и быт нанайцев», К. В. Вяткиной (Ин-т этнографии) — «Процесс культурного роста бурятского народа после Октябрьской революции» и И. С. Гурвича (Якутский филиал АН СССР) — «Русские старожилы северо-востока Сибири» — наибольший интерес вызвал последний доклад, из которого слушатели получили ясное представление об истории и современном быте русского старожильского населения далекого севера.

На шести заседаниях секции этнической истории и географии были заслушаны 22 доклада. Три из них были посвящены этнической истории восточных славян, три — вопросу этногенеза народов Прибалтики и Карелии, три — проблеме этногенеза народов Поволжья и Прикамья, четыре — этнической истории и географии Средней Азии, пять — этногенезу народов Сибири, три — вопросам этнического и диалектологического картографирования и, наконец, один — вопросу этнической истории и географии Западной Европы. Как видно из этого перечня, тематика прочитанных докладов была обширна; обсуждение большинства из них прошло очень активно.

С интересом был выслушан доклад М. Я. Гринблата (АН БССР) «Некоторые результаты изучения проблемы происхождения белорусской народности». Докладчик отметил плодотворность применяемого в последние годы Академией Наук БССР комплексного метода исследования проблемы происхождения белорусов с привлечением археологических, этнографических и лингвистических материалов, и указал на задачи дальнейшей разработки этой проблемы. Большой интерес вызвал доклад Х. А. Моора (АН Эст. ССР) «Некоторые вопросы этногенеза западнофинских народов в свете данных археологии». Как отмечали участники прений, многие вопросы происхождения западных финнов разрешены докладчиком по-новому, очень важно выдвинутое им и подтвержденное археологическими материалами положение о том, что предками западных финских племен можно считать неолитическое население Прибалтики.

В докладе «Проблема происхождения карел» И. П. Шаскольский (Музей истории религий) осветил состояние разработки этой проблемы и поставил вопрос о том, в какой мере концепция Д. В. Бубриха удовлетворяет современным требованиям науки и какие вопросы этногенеза карел требуют дальнейшего исследования. С содержательным докладом, посвященным топонимике территории Среднего Поволжья выступил И. Хисамутдинов (Казанский филиал АН СССР).

На большом фактическом материале были построены доклады по этнической истории Средней Азии. Доклад Ш. И. Иногамова (АН Узб. ССР) «К вопросу об этническом составе населения Ферганской долины» вызвал оживленную дискуссию. Выступавшие в прениях указывали, что докладчик не совсем правильно освещает вопрос о слиянии мелких этнических групп Ферганской долины с узбеками, так как недостаточно учитывает такой важный признак национальной принадлежности, как национальное самосознание той или иной группы.

Л. П. Потапов выступил с докладом «Происхождение и этнический состав койбалов». В прениях отмечалось, что выводы докладчика весьма убедительны и вносят ясность в уже давно поднимавшийся вопрос о происхождении этой интересной этнографической группы.

С большим вниманием были заслушаны доклады по этнической картографии, прочитанные сотрудниками Ин-та этнографии С. И. Бруком («Опыт составления этнографических карт зарубежной Азии») и Я. Р. Винниковым («Опыт составления региональных карт СССР»). Очень важным для этнографов-славистов был доклад Л. П. Жуковской (Ин-т языкознания АН СССР) «Изучение лексики русских: диалектов и вопросы этнографии». В связи с этим докладом секцией был поставлен вопрос о необходимости совместной работы лингвистов-диалектологов и этнографов при составлении диалектологических и этнографических атласов. Тесный контакт между специалистами обеих дисциплин самым положительным образом скажется на результатах исследования этнической истории русского народа.

Секция современной культуры и быта народов капиталистических и колониальных стран провела три заседания. Было заслушано 11 докладов об этнической консолидации некоторых зарубежных народов, о развитии социальных противоречий в африканской деревне, о ремесленном производстве в Индии и Эфиопии.

Большая часть докладов была посвящена вопросам этнической консолидации коренного населения колониальных и зависимых стран. С. Р. Смирнов (Ин-т этнографии) прочитал доклад «Формирование суданской народности и пути ее развития», представляющий собой краткое резюме его большой работы на ту же тему. Несмотря на сжатость изложения, ему удалось четко показать пути национального развития суданцев. В докладе Л. Д. Яблочкова (Ин-т этнографии) «Центры этнической консолидации банту Северной Родезии и Ньясаленда», как отметили выступавшие в прениях Д. А. Ольдерогге и А. И. Собченко (Ин-т этнографии) был поднят интересный вопрос о различных путях этнической консолидации. Выступавшие согласились с основными теоретическими положениями докладчика, но отметили, что ему следовало более подробно остановиться на характеристике культурной общности банту Центральной Африки. Основным источником для доклада Р. Н. Исмагиловой (Ин-т этнографии) «Этнический состав Танганьики» послужила перепись населения этой колонии; на основе материалов переписи Р. Н. Исмагилова составила ценные этнические карты. По мнению выступавших в прениях, в докладе остался невыясненным важный вопрос о том, что представляет собой народ суахили и какова его роль в этнической консолидации населения Танганьики.

Б. И. Шаревская (Ин-т этнографии) и Ю. А. Зубрицкий (Комитет радиосообщения) прочитали два связанных между собой доклада на тему «Некоторые проблемы национальной консолидации в странах Андского нагорья Южной Америки»; Ю. А. Зубрицкий рассматривал вопрос о консолидации индейских народов кечуа и аймара, а Б. И. Шаревская сообщила о группах смешанного происхождения и соотношении их с другими этническими группами населения Андских стран. Доклад И. Ф. Хорошайевой (Ин-т этнографии) был посвящен проблемам национального развития индейского населения Мексики; доклад Н. А. Бутинова — путем национального развития маори.

Все четыре доклада вызвали активное обсуждение. Состоялся оживленный обмен мнениями по затронутому С. А. Арутюновым (Ин-т этнографии) вопросу о двуязычии. По его мнению, народы Андского нагорья нельзя считать двуязычными, там наблюдается лишь знание второго — испанского — языка как вспомогательного для внешних сношений; двуязычие характерно для маори, у которых второй язык — английский — уже прочно вошел в быт. Выступивший с замечаниями по докладу Ю. А. Зубрицкого Ю. В. Кнорозов отметил, что следовало более четко охарактеризовать этапы национально-освободительного движения кечуа и аймара, осветить роль растущей национальной буржуазии. По мнению Ю. В. Кнорозова, утверждение Ю. А. Зубрицкого о том, что в древнем государстве инков еще существовали племена, не верно, в действительности у индейцев этого района шел процесс образования народностей.

Общественным отношениям у народов Африки были посвящены доклады И. И. Потехина (Ин-т этнографии) — «Социальные противоречия в современной африканской деревне»³ и А. С. Орловой (Ин-т этнографии) — «Сельская община феодального Мадагаскара». Принявшие участие в прениях отметили важность и актуальность проблемы, поднятой И. И. Потехиным. Вместе с тем указывалось, что некоторые его положения остаются спорными, — например, утверждение, что в Африке феодальные отношения являются господствующими. Выступившие с замечаниями по докладу А. С. Орловой выразили сожаление, что автором не были использованы для сравнения материалы по Индонезии, исторически связанной с Мадагаскаром.

Сообщение о состоянии домашней промышленности и ремесла в современной Эфиопии сделала М. В. Райт (Ин-т этнографии). В прениях отмечалось, что в докладе поднят интересный вопрос о предпринимаемых в слаборазвитых странах попытках способствовать экономическому прогрессу путем развития местного ремесленного производства. Н. Р. Гусева (Ин-т этнографии) выступила с докладом «Тематический орнамент индийских тканей». Выступившие в прениях отметили излишнюю популярность изложения этого доклада.

Подводя итоги своей работы, секция отметила необходимость расширения круга

³ Ввиду отъезда И. И. Потехина в командировку доклад был представлен им в письменном виде и обсужден в его отсутствие.

ученых, занимающихся изучением истории и этнографии народов колониальных и зависимых стран, проводимым в настоящее время только в Москве и Ленинграде, и всемерного расширения связей с учеными зарубежных стран, а также организации экспедиций в изучаемые страны.

На заседаниях секции истории первобытного общества было заслушано 17 докладов, посвященных как общим проблемам истории первобытного общества, так и его пережиткам у отдельных народов Советского Союза и зарубежных стран.

Общим вопросом первобытной истории были посвящены доклады сотрудников Ин-та этнографии М. О. Косвена «Проблема военной демократии» и С. Н. Замятнина «Некоторые вопросы изучения хозяйства палеолита». Доклад М. О. Косвена вызвал оживленную дискуссию. В результате ее выявились существенные расхождения в понимании соотношения патриархата и военной демократии. Экономические взаимоотношения в первобытном обществе были проанализированы в докладе Ю. П. Аверкиевой (Ин-т этнографии) «Потлач — форма распределения в первобытном обществе».

Мировоззрение первобытного человека исследовалось в интересном, но очень дискуссионном докладе С. В. Иванова (Ин-т этнографии) «Первобытно-материалистические представления народов Сибири о природе и человеке». В прениях было отмечено, что автор доклада трактует как материалистические некоторые явно религиозные представления, — например, представления о душе. Большую активность участников вызвало обсуждение прочитанных на пленарных заседаниях докладов С. А. Токарева и А. И. Першица. Обсуждение первого доклада показало отсутствие единого мнения по многим вопросам. В этой связи особое значение приобретает работа по изучению конкретных религий и их пережитков у отдельных народов. Очень важно поэтому, что одно из заседаний секции целиком было посвящено вопросам истории религии; были заслушаны доклады сотрудников Ин-та этнографии Г. П. Снесарева «Пережитки зороастризма в верованиях хорезмских узбеков» и Л. Э. Каруновской «Донсламские верования в Индонезии», а также М. Р. Рахимова (АН Тадж. ССР) — «Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Дарваза».

На кавказском этнографическом материале были построены доклады: Ш. О. Иналыпая (Н.-и. ин-т Абхазск. АССР) «О развитии абхазского патриархального рода»; Р. Л. Харадзе (АН Груз. ССР) — «Территориально-соседские объединения у горцев Грузии»; Л. И. Робакидзе — «О поселениях Сванетии» и К. Авдала (АН Арм. ССР) — «Патронимия у курдов Армении». Для всех этих докладов характерны большая конкретность изложения и детальный анализ изучаемых явлений. Оживленную дискуссию вызвал доклад К. Авдала; его обсуждение показало отсутствие среди исследователей единого взгляда на патронимию. Если одни из выступавших (Р. Л. Харадзе) считают историческое место патронимии ясным, то другие (Н. А. Кисляков, Ин-т этнографии), напротив, полагают, что патронимия не нашла еще своего места в системе общественных форм.

Большой интерес вызвали доклады Н. А. Кислякова — «Пережитки матриархата в брачных обрядах народов Средней Азии» и С. М. Абрамзон — «К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии». В докладе Н. А. Кислякова исследованы такие пережитки матриархата, как обычай «возвращения домой», предпочтительность брака с дочерью брата матери, авункулат, вера в мифических женских родоначальниц некоторых ремесел и другие. В докладе С. М. Абрамзона на большом фактическом материале доказывалось, что у кочевников-скотоводов (точнее полукочевников), как и у земледельцев, существовала патриархальная семейная община. Докладчик выявляет экономическую основу патриархальной общины у кочевников и указывает на ее последующую трансформацию в семейно-родственную группу и соседскую общину. В прениях по этим двум докладом было отмечено, что они заполняют существенный пробел в наших знаниях. Был также высказан ряд интересных предположений о значении некоторых обычаев, описанных докладчиками. Так, М. О. Косвен указал, что у народов, у которых существует обычай тайных посещений женихом невесты, новая семья складывается фактически в доме невесты, т. е. матрилокально.

На среднеазиатском материале был основан доклад Н. Х. Нурджанова (АН Тадж. ССР) «Архазские элементы в танцах горных таджиков». Выступавшими в прениях было высказано пожелание, чтобы докладчик продолжал работать в том же направлении. В то же время Н. Х. Нурджанову было указано на необходимость быть более осторожным при подборе этнографических параллелей, — например, избегать отождествления танцев, относящихся к различным историческим эпохам.

Доклад И. Ф. Симоненко (АН УССР) был посвящен малоразработанному вопросу о существовании большой семьи у украинцев. Докладчик и некоторые из участников прений остановились также на препятствиях, мешающих разработке этой темы.

Доклад Д. А. Олдерогге «Основные черты системы родства банту» еще раз подтвердил важность изучения систем родства как исторического источника.

На материалах по этнографии Южной Америки был основан доклад Л. А. Файнберга (Ин-т этнографии) «Вопросы социальной организации индейцев Амазонки», посвященный одной из наименее исследованных тем общей этнографии и вызвавший оживленный обмен мнениями.

В заседаниях секции приняли активное участие и выступили с докладами и в прениях как сотрудники центральных этнографических учреждений, так и многочис-

ленные этнографы с мест, прибывшие на совещание из различных районов страны. Прочитанные доклады свидетельствуют об оживлении в национальных республиках, особенно на Кавказе и в Средней Азии, работы по изучению пережитков первобытно-общинного строя. Можно надеяться, что результатом совещания явится дальнейшее усиление работы в области истории первобытного общества.

На шести заседаниях антропологической секции было заслушано 27 докладов. Наибольшее число их — 17 докладов было посвящено вопросам этнической антропологии.

Новый материал по палеоантропологии СССР был освещен в докладах: Г. Ф. Дебеца (Ин-т этнографии) — «Палеоантропологические находки в Костенках», В. В. Гинзбурга (Военно-медицинская академия) — «Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов», Т. А. Трофимовой (Ин-т этнографии) — «Палеоантропологические материалы древнего Хорезма», Н. Н. Миклашевской (МГУ) — «Краниология современного и древнего населения Киргизии», К. Ю. Марк (АН Эст. ССР) — «Формирование современных антропологических типов в Восточной Прибалтике», В. П. Якимова (Ин-т этнографии) — «О древней монголоидности в Европе», К. Ф. Соколовой (Крымский филиал АН СССР) — «Антропологический состав населения Крыма в средневековое время», В. В. Гинзбурга и Б. В. Фирштейн (Ин-т этнографии) — «Антропологические материалы о сарматах Западного Казахстана», М. Г. Левина — «Палеоантропология Японии и айская проблема».

Особый интерес вызвало обсуждение вопросов о происхождении расы среднеазиатского междуречья, в связи с докладами В. В. Гинзбурга и Б. В. Фирштейн, и о наличии или отсутствии монголоидной примеси в древнем населении Восточной Европы, в связи с докладами В. П. Якимова и К. Ю. Марк. В. В. Гинзбург развивал в своем докладе, как и в ряде предшествующих работ, мысль об оформлении расы среднеазиатского междуречья на основе андроновского типа под воздействием процесса грацилизации. Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова указали на то, что факт осветления пигментации у казахов, в состав которых, несомненно, вошли представители древнего андроновского типа, позволяет предполагать, что последний характеризовался сравнительно светлой пигментацией. Поскольку представители расы среднеазиатского междуречья характеризуются очень темным цветом волос и глаз и ничем не отличаются в этом отношении от типичных средиземноморцев, с точки зрения гипотезы В. В. Гинзбурга непонятно, каким образом эта особенность могла выработаться на базе сравнительно светлой пигментации их предков. Более вероятно, что появление расы среднеазиатского междуречья является результатом брахикефализации древнего длинноголового и темнопигментированного населения, принадлежавшего к средиземноморскому кругу форм.

При обсуждении этого вопроса было достигнуто сближение двух противоположных точек зрения. В. В. Гинзбург признал, что процесс, на который указывали другие выступавшие, мог иметь место; Г. Ф. Дебец согласился с тем, что грацилизация андроновского типа могла играть известную роль в происхождении расы среднеазиатского междуречья.

Вторым вопросом, по которому развернулись оживленные прения, был вопрос о на проявлении. В. П. Якимов в своем докладе отрицал наличие монголоидной примеси, основываясь на том, что отдельные плосколицые черепа известны даже с территории Португалии. Подробная аргументация против его точки зрения была приведена в выступлениях Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина. На территории Русской равнины и севера Европейской части СССР монголоидная примесь уменьшается в направлении с востока на запад. На этой же территории наблюдается положительная межгрупповая связь между признаками, составляющими монголоидный комплекс. Наконец, на этой же территории черепа, относящиеся ко времени ямочно-гребенчатого неолита, не только более плосколицы, но и более плосконосые, чем черепа, принадлежащие носителям других культур. Всего этого не было бы, если бы мы имели дело с недифференцированными, а не со смешанными формами. В. П. Якимов делает ошибку, вырывая из комплекса признаков один — уплощенность лица. Т. А. Трофимова обратила внимание на археологические связи рассматриваемой территории с Уралом и Зауральем, что также свидетельствует, хотя и косвенно, о проникновении в Восточную Европу монголоидных форм; Я. Я. Рогинский (МГУ) присоединился к аргументации Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой. По его мнению, смешение, несомненно, имело место. Однако монголоидные формы, проникавшие с востока, могли иметь некоторые черты недифференцированности, сохранившиеся от более раннего времени. Точка зрения В. П. Якимова была поддержана В. В. Бунаком (Ин-т этнографии), указавшим на то, что метизированные типы не обнаруживают таких сочетаний признаков, которые мы наблюдаем на территории Восточной Европы. Однако им не были приведены аргументы, иллюстрирующие этот тезис.

В ответном слове В. П. Якимов отвел упрек в методической несостоятельности своей гипотезы, отметив, что все выступавшие учитывают также только два признака — плосколицость и плосконосость. Он указал на то, что с точки зрения широкого моноцентризма необходимо признать наличие зон, занятых недифференцированными формами. К сожалению, им не были приведены аргументы в пользу включения Восточной

Европы в такую зону, как и оставлены без рассмотрения остальные выдвинутые против него аргументы.

Ряд докладов был посвящен соматологическим исследованиям. Т. А. Алексеева (МГУ) и В. В. Бунак сделали доклад о работах Русской антропологической экспедиции в 1955 г. Экспедицией исследовано 2800 русских в районах Верхнего Поволжья. Ю. М. Ауль (Эстонский ун-т) доложил об антропологии латышей и взаимоотношениях эстонцев и латышей в свете антропологических данных. Три доклада были посвящены антропологии Кавказа: М. Г. Абдулелишвили — «Антропологические исследования Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР за 1951—1955 гг.», Г. К. Джанберидзе (АН Груз. ССР) — «Абхазо-адыгейские взаимоотношения в свете данных антропологии», О. Ахведиани (АН Груз. ССР) — «К антропологии коренного населения Аджарской АССР». К. Н. Наджимов (САГУ) информировал секцию о работах ташкентского коллектива антропологов по соматологическому обследованию различных этнических групп Средней Азии.

Краниология современного населения СССР нашла свое отражение в докладах М. С. Акимовой (МГУ) — «К краниологии современного населения Мордовской и Марийской АССР» и В. П. Алексеева (Ин-т этнографии) — «Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения».

Большое место в работах секции заняло обсуждение вопросов морфологии мозга, изменчивости отдельных признаков и методов ее изучения и антропогенеза. Морфологии мозга было посвящено четыре доклада сотрудников ин-та антропологии МГУ Ю. Г. Шевченко — «Вариации строения больших полушарий мозга современных людей в свете единства человечества», В. И. Кочетковой и Ю. Г. Шевченко — «Некоторые особенности развития разных областей мозга ископаемых гоминид», М. С. Войно — «Соотношение в развитии лобной, теменной и затылочной долей мозга обезьян и человека», И. И. Глизер — «Некоторые черты онтогенетического развития лобных долей полушарий большого мозга человека». Все эти доклады получили высокую оценку выступавших в прениях.

В докладе В. В. Бунака «Приспособление к прямохождению в скелете гоминид по данным сравнительной морфологии и палеонтологии» рассматривался вопрос о путях и этапах выработки прямохождения. По мнению докладчика, ископаемые антропоиды, имевшие все признаки приспособления к прямохождению, существовали еще в миоцене. Этим временем следует датировать и выделение гоминоидной ветви из общей группы высших антропоидов.

М. А. Гремяцкий (МГУ) сделал доклад на тему «Ископаемые обезьяны третичного времени с территории СССР». Поскольку остатки найденных на территории СССР высших обезьян близки к австралопитековым, но происходят из более ранних слоев, есть основание полагать, что они ближе к исходному для гоминид типу, нежели австралопитековые.

На отдельном заседании, посвященном обсуждению вопросов изменчивости признаков и биомеханики, выступили сотрудники Ин-та антропологии МГУ. М. В. Игнатьев сделал доклад на тему «Вариационно-статистические методы в антропологии», Я. Я. Рогинский — «Некоторые вопросы изменчивости скелета человека», С. И. Успенский — «Биостатистика черепа в связи с его морфогенезом, типологией и методикой исследования». Е. Н. Хрисанфова (кафедра антропологии МГУ) сделала доклад — «Внутри- и межгрупповая изменчивость основных размеров черепа гоминид и узконосых обезьян».

Особый интерес работе секции придало участие в ней одного из крупнейших современных палеоантропологов, директора Института палеонтологии человека и Музея человека в Париже проф. А. Валлуа. В своем докладе «Новые палеоантропологические находки во Франции» проф. Валлуа, как и в своих предшествующих работах, развивал мысль о двух независимых линиях эволюции нижнепалеолитического человека: одна через ископаемых людей из Сванкомба, Штайнхейма и Фонтешевад идет, по его мнению, к современному человеку; другая кончается специализированными западноевропейскими формами — такими, как неандерталец из Ля-Шапельль.

На заседаниях секции фольклора было заслушано и обсуждено 18 докладов и сообщений, посвященных в основном выяснению специфики и истории отдельных жанров народного поэтического творчества.

Высокую оценку получили доклады: М. М. Плисецкого (Ужгородск. ун-т) — «Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности» и П. Д. Ухова (МГУ) — «Поэтика русских былин». Выступавшие в прениях отмечали, что исследование русского героического эпоса сейчас ведется на довольно высоком теоретическом уровне, и особенно подчеркивали важность и перспективность изучения поэтики былин. Оживленная дискуссия разгорелась по докладу Т. М. Акимовой (Саратовск. ун-т) «Русские былины в середине XIX в.». Возражения вызвало утверждение докладчика, что социальная проблематика появляется в былинах лишь в середине XIX в., в период обострения классовой борьбы, и свидетельствует об упадке жанра героического эпоса. А. М. Астахова (Пушкинский дом) убедительно показала, что мотивы социального протеста имелись в былинах уже в XVI—XVII вв. и органически связаны с героикой.

Два доклада были посвящены развитию сказки. Э. В. Померанцева (МГУ), основываясь на записях сказок второй половины XIX в., наглядно показала, как с изменением быта и воззрений крестьянства переосмыслиются образы и сюжеты сказок,

меняется их стиль и язык. Выступавшие по докладу отмечали правильный метод исследования и обоснованность сделанных выводов. П. В. Линтур (Ужгородск. ун-т) указал, что аналогичные процессы происходили и в закарпатской сказке, и привел соответствующие примеры. В докладе К. П. Кабашникова (АН БССР) были раскрыты идейные и художественные особенности и общественное значение белорусских антикрепостнических сказок. Но докладчик не всегда четко разграничивал материал хронологически и использовал иногда записи XX в. для характеристики настроений крепостных крестьян. Недостаточно обосновано было выделение антикрепостнической сказки в особый жанр, В. П. Аникин (МГУ) говорил о путях исторического приурочения малых жанров (на примере русских загадок).

О большой исследовательской работе по истории фольклора народов СССР свидетельствовали доклады грузинских и якутских фольклористов. К. А. Сихарулидзе (АН Груз. ССР) охарактеризовала различные формы грузинских похоронных плачей, раскрыла их историческое значение и связь с другими жанрами грузинской народной поэзии — героическим эпосом, трудовыми песнями. Е. Б. Вирсаладзе (АН Груз. ССР) в докладе «Грузинский исторический эпос» остановилась на сохраняющемся в ряде районов Грузии цикле рассказов о любви женского божества к охотнику, генетически связанных с мифом об умирающем и воскресающем божестве. Г. У. Эргис (Якутский филиал АН СССР) дал обстоятельную характеристику содержания жанровых особенностей и историко-этнографического значения исторических преданий и рассказов якутов. Участники совещания отмечали, что доклады по грузинскому и якутскому фольклору не только обобщают обширный и интересный материал, но имеют и большое теоретическое значение для разработки истории фольклора и истории народного мировоззрения. Высказывались также пожелания, чтобы сборники и исследования по фольклору, выходящие в союзных и автономных республиках, содержали и русский перевод.

Большой интерес вызвал доклад Б. Б. Вахтина (ЛГУ) и Р. Ф. Итса (Ин-т этнографии) «Эпос народов Южного Китая». Докладчики показали богатство и яркое художественное своеобразие эпоса «малых» народов Китая и дали его анализ как историко-этнографического источника. Выступление Б. Л. Рифтина (Ин-т мировой литературы) было посвящено дунганским историческим преданиям и их связям с китайскими преданиями и хрониками.

Признавая важность изучения истории народного творчества, выступавшие в прениях отмечали, что изучению советского фольклора не уделяется достаточного внимания. Свидетельством этого явилось уже то, что только в одном докладе А. М. Кинько (АН УССР) «О коллективности народного творчества (наблюдения над современными процессами)» были поставлены теоретические проблемы советского фольклора.

В выступлении В. К. Соколовой (Ин-т этнографии) был поставлен вопрос о взаимоотношениях фольклористики и этнографии. Народное поэтическое творчество является неотъемлемой и важнейшей частью народной культуры, и нельзя признать нормальным, что некоторые этнографические учреждения отказались от собирания и изучения фольклора. Но фольклор имеет свою специфику, которая и должна служить предметом исследования фольклористов. Без понимания художественной специфики фольклора нельзя использовать его и как историко-этнографический источник. Высказываясь по этому вопросу, М. О. Скрипиль (Пушкинский дом) подчеркнул, что фольклористика является самостоятельной научной дисциплиной и нельзя ее подчинить этнографии. Координация работы этнографов и фольклористов необходима, но фольклористы имеют свои задачи и работают своими методами. О задачах советской фольклористики говорил К. В. Чистов (Карельский филиал АН СССР).

С работами зарубежных фольклористов познакомили собравшихся сотрудники Ин-та мировой литературы: Е. М. Мелетинский и Н. Н. Велецкая.

Доклад Е. М. Мелетинского содержал обстоятельный критический разбор новейших работ английских и американских исследователей по теории эпоса. Н. Н. Велецкая рассказала о работах чехословацких фольклористов.

Н. П. Колпакова (Пушкинский дом) говорила о проведении экспедиционной работы по собиранию фольклора и ознакомила с результатами экспедиции Ин-та русской литературы, работавшей летом 1955 г. в Усть-Цильском районе Коми АССР. В районе Цильмы и Печоры еще сохраняется эпическая традиция, и за сравнительно короткий срок здесь удалось записать 19 былин и интересные варианты исторических песен; записывались также лирические песни и баллады. Экспедиция сделала много фотоснимков и собрала предметы материальной культуры (одежда, домашняя утварь, изделия местных мастеров). Доклад сопровождался демонстрацией записей исполнения былин и исторических песен. При обсуждении доклада был поднят вопрос о необходимости выработки единой методики собирательской работы и издания методического пособия, отечающего современным научным требованиям. Указывалось также на желательность организации комплексных экспедиций с участием этнографов, фольклористов, музыковедов, специалистов по народному искусству.

Слабо была представлена на совещании музыкальная фольклористика. Секция заслушала только два доклада: Г. З. Чхиквадзе (АН Груз. ССР) — «Грузинское многоголосие» и О. Л. Данскер (АН Тадж. ССР) — «Музыкальный фольклор Карагегина и Дарваза». В этом сказалось состояние музыкальной фольклористики: изучение народной музыки развернуто не во всех республиках, а специалисты-музыковеды рабо-

тают в разных учреждениях и зачастую не связаны с фольклористами-словесниками.

Секция заслушала также несколько сообщений о работе фольклористов союзных республик и автономных областей. Ф. И. Лавров (АН УССР) подробно рассказал об исследованиях украинских фольклористов и стоящих перед ними задачах, об изданных и подготавливаемых к печати сборниках народной поэзии. Э. В. Норманн (Лит. музей в Таллине) информировала о работах по фольклору, ведущихся Академией наук Эстонской ССР; Григас (АН Лит. ССР) — о работах, проводившихся Академией наук Литовской ССР, М. Г. Аутлев (Адыгейский н.-и. ин-т) сообщил о состоянии фольклорной работы в Адыгейской автономной области.

На заседаниях секции говорилось о необходимости расширить публикацию материалов и исследований по фольклору и высказывались пожелания о создании специального журнала.

Фольклористы участвовали в обсуждении проспекта свода русского фольклора, составленного отделом народного творчества Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Одобрив идею создания «Свода», совещание призвало всех фольклористов РСФСР принять активное участие в его подготовке.

Заседание секции музейной работы открылось вступительным словом директора Государственного музея этнографии народов СССР И. М. Сулова, наметившего задачи, стоящие перед секцией. На заседаниях были заслушаны доклады о работе центральных этнографических музеев, а также доклады, связанные с этнографической работой краеведческих музеев.

Созданию Центрального музея «Человек и его культура» был посвящен доклад М. С. Плисецкого, директора Музея антропологии МГУ. Секция в своих решениях отметила, что необходимость в создании такого музея давно назрела и что музей должен быть создан в Москве.

С докладом о проекте новой экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР выступили сотрудники этого музея М. В. Сазонова и Е. Г. Шейр. Проект получил одобрение присутствовавших на заседании; особый интерес был проявлен к намечаемой для экспозиции в центральном зале большой карте, посвященной хозяйству, культуре и быту народов Советского Союза.

О новых материалах по истории Музея антропологии и этнографии АН СССР сообщила его сотрудница Т. В. Станюкович, ознакомившая участников совещания с результатами своих исследований по истории развития одного из старейших музеев нашей страны. Были заслушаны доклады о построении экспозиции «Быт и культура украинского народа» в Гос. музее этнографии и художественного промысла АН УССР (гор. Львов, докладчик Д. И. Фиголь) и «Принципы и методы построения экспозиции нового быта и культуры в Государственном музее Грузии» (докладчик Г. С. Чита я).

Работе краеведческих музеев были посвящены два доклада и ряд выступлений местных работников. О. В. Ионова (Научно-исследовательский ин-т музееведения) доложила о состоянии этнографической работы в краеведческих музеях РСФСР, отметив отставание ее в большинстве музеев. Методике экспонирования этнографических материалов был посвящен доклад Н. Ф. Таковой (Ин-т этнографии).

С сообщениями о состоянии этнографической работы в музеях выступили: Т. Н. Казанская (Горьковский краеведческий музей), И. М. Мулло и В. В. Пименов (Петрозаводский историко-краеведческий музей), Р. Якубова (Музей истории АН Узб. ССР), Х. Г. Ишанкулов (Историко-краеведческий музей Тадж. ССР), Ж. Р. Ныу (Этнографический музей АН Эст. ССР) и другие. Выступавшими было охарактеризовано состояние этнографической работы в отдельных музеях и указаны мероприятия, которые надо провести для улучшения этой работы (обеспечение музеев квалифицированными кадрами этнографов, проведение периодических курсов с чтением лекций по этнографии, улучшение собирательской работы, издание программ по изучению отдельных тем, методических пособий и т. д.).

Вопросам изучения музейных коллекций и экспонатов были посвящены два доклада. А. А. Лебедева (Научно-исследовательский ин-т музееведения) сообщила о подготовке пособия по определению памятников материальной культуры крестьянского быта конца XVIII — начала XX в.; Е. П. Орлова (Гос. музей этнографии народов СССР) рассказала о проводимой в этом музее работе по собиранию и изучению эскимосской резной кости.

На заседаниях секции говорилось об использовании музейных фондов для создания историко-этнографических атласов. На эту тему был заслушан специальный доклад С. П. Русьякиной (Ин-т этнографии) «Музейные фонды Москвы, Ленинграда и республик Средней Азии как источник для Среднеазиатского историко-этнографического атласа».

В своих решениях секция указала на отставание этнографической работы в краеведческих музеях и на необходимость ее улучшения как по линии собирания, изучения и хранения, так и по линии экспонирования этнографических материалов путем включения их в основную экспозицию, либо путем создания специальных этнографических отделов и тематических выставок. Указано также на необходимость проведения как центральных, так и краеведческими музеями научно-атеистической пропаганды.

По окончании работы секций были возобновлены пленарные заседания.

С огромным интересом был выслушан доклад проф. А. Валлуа «Современное со-

стояние антропологии и этнографии во Франции». Развитию этих наук во Франции, сказал докладчик, долгое время препятствовало то обстоятельство, что их организация не имела официального характера и они не были включены в программы университетского преподавания. Еще за два года до войны во Франции было только два официальных антропологических центра — кафедра антропологии при Музее естественной истории и лаборатория физической антропологии, основанная Брока. Кроме того, существовали еще две частные организации: Антропологическая школа и Институт палеонтологии человека. Сейчас картина совершенно иная. В 1938 г. создан Музей человека, деятельность которого полностью развернулась после войны. Являясь центром антропологических и этнографических исследований во Франции, этот музей включает 11 лабораторий и обладает обширными коллекциями большого научного значения. Кроме того, во Франции имеется еще ряд организаций и отдельных специалистов, ведущих работу по антропологии и этнографии; результаты их исследований публикуются главным образом в семи специальных периодических органах, вышло также большое количество отдельных монографий. Основная тематика проводимых исследований: вопросы физической антропологии, проблемы этногенеза и расоведения, изучение современного населения Франции, палеоантропология, в области которой сделано несколько важных открытий. Этнографические исследования заключаются главным образом в организации большого числа экспедиций (в Африку, Латинскую Америку, а также в Юго-Восточную Азию и Океанию) и в создании постоянных этнографических постов в системе французских научно-исследовательских институтов, находящихся вне страны. Экспедициями собрано более 200 тысяч предметов и подготовлен ряд публикаций, в частности — начато издание серии монографий по народам Африки.

Затем были заслушаны доклады Я. Я. Рогинского «Некоторые проблемы происхождения человека» и Г. Ф. Дебца — «Антропологические типы населения СССР и проблемы этногенеза». Выступившие в прениях (проф. А. Валлуа, В. В. Гинзбург, М. В. Игнатьев, В. В. Бунак, М. Г. Левин, В. П. Якимов и др.) основное внимание уделили имеющимся расхождениям по вопросам периодизации процессов антропогенеза и линии развития от прегоминид к современному человеку, а также спорным вопросам формирования антропологических типов на территории Советского Союза; подчеркивалась актуальность углубленной теоретической разработки этих проблем и необходимость дальнейшего сбора фактических материалов.

Подводя итоги совещания, С. П. Толстов остановился на некоторых вопросах, поднятых его участниками (в частности, на вопросе об определении предмета этнографии, который С. П. Толстов считает ясным и не требующим специального обсуждения); в заключение он отметил плодотворность проделанной работы и указал на намеченные совещанием обширные задачи, подлежащие разрешению в ближайшие годы.

Совещанием принята публикуемая ниже резолюция.

Резолюция этнографического совещания 1956 года

1. Этнографическое совещание 1956 г., заслушав и обсудив доклад директора Института этнографии АН СССР члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова «Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР», а также свыше 160 докладов участников совещания, с удовлетворением констатирует, что план научно-исследовательских работ, намеченный этнографическим совещанием 1951 г., в основном выполнен.

За истекший период этнографическая работа в академиях наук союзных республик, в научно-исследовательских учреждениях автономных республик и областей была в значительной степени расширена. В прошедшем пятилетний кадры советских этнографов пополнились молодыми научными работниками, подготовленными в аспирантуре Института этнографии АН СССР и других учреждений и учебных заведений страны, ныне успешно работающими на местах. Возникли новые этнографические и антропологические центры в ряде союзных и автономных республик. Увеличился выпуск научной продукции, изданной как Институтом этнографии АН СССР, так и этнографическими учреждениями на местах.

Среди изданных трудов, в соответствии с общими установками этнографического совещания 1951 г., заметное место заняли работы, посвященные изучению социалистической культуры и быта народов СССР, а также современной этнографии народов колониальных и зависимых стран.

Более углубленной стала разработка ряда общих теоретических проблем этнографической науки, о чем свидетельствует, в частности, тематика как пленарных, так и секционных заседаний настоящего совещания.

В широком плане проводились полевые исследования Институтом этнографии и другими этнографическими учреждениями страны. Следует отметить, что ряд крупных экспедиций проводился совместными силами союзной и республиканских академий.

Совместно, в порядке координации, разрабатывались и отдельные темы. За истекший период было создано несколько региональных совещаний — по вопросам этнографии народов Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и др.

Антропологическая наука обогатилась важными палеоантропологическими находками; исследования по этнической антропологии заполнили многие белые пятна на карте СССР. Был издан ряд крупных антропологических работ.

За последние годы в известной мере выросли и окрепли связи советских этногра-

фов и антропологов с учеными стран народной демократии и прогрессивными учеными других зарубежных стран. Некоторые советские этнографы посетили зарубежные страны, где выступали с докладами, читали лекции, участвовали в научных конгрессах. Свидетельством растущих международных связей является участие в работе настоящего совещания большой группы зарубежных гостей: директора Центрального института национальных меньшинств в Пекине проф. Линь Яо-хуа, директора Музея человека и Института палеонтологии человека в Париже проф. А. Валлуа, директора Института истории материальной культуры Корейской Народно-Демократической Республики проф. То Ю-хо, проф. И. Влэдуциу (Румынская Народно-Демократическая Республика), члена-корреспондента Болгарской академии наук проф. Цветана Тодорова-Белчева, президента Венгерского этнографического общества проф. Дьюла Ортутан, проф. Карела Фойтика (Чехословакия), профессора Варшавского университета В. Дыновского, профессора Берлинского университета К. Г. Отто (Германская Демократическая Республика), декана факультета философии и этнографии Хельсинкского университета проф. Куста Вилькуна, профессора Института фольклора в Осло Свале Сольгейма.

II. Вместе с тем Совещание отмечает ряд недостатков и существенных пробелов в состоянии этнографической науки в СССР, а именно:

1. Хотя объем исследований в области изучения социалистической культуры и быта народов СССР значительно возрос и полевые работы в этой области расширились, научный уровень многих вышедших работ еще недостаточно высок; работы имеют в значительной степени описательный характер; в ряде случаев имеет место лакировка действительности, наносящая вред подлинно научному объективному исследованию. До настоящего времени недостаточное место в работе научных учреждений занимает тематика, связанная с изучением рабочего быта.

2. Вопросы этногенеза, широко поставленные после этнографического совещания 1951 г., несмотря на обилие и ценность накопленных этнографических, антропологических и археологических материалов, не получили достаточно углубленной теоретической разработки. Это объясняется в значительной степени недостаточной связью этнографов и антропологов с лингвистами.

3. Продолжает отставать в СССР изучение этнографии и антропологии стран народной демократии и других зарубежных стран в связи с тем, что до настоящего времени почти не практикуются зарубежные экспедиции и командировки, являющиеся необходимым условием любой этнографической работы.

4. Отстает разработка вопросов духовной культуры, в частности фольклора, что в значительной степени связано с организационным разрывом между этнографами и фольклористами. Существенный урон этой работе нанесла ликвидация в Институте этнографии АН СССР фольклорного сектора. Расформированы Институт этнографии и фольклора АН Латвийской ССР и другие. Отстает изучение истории религии и бытующих религиозных пережитков, имеющее большое значение для научно-атеистической пропаганды.

5. Не реализованы настоятельные рекомендации совещания 1951 г., касающиеся развертывания этнографических работ в краеведческих музеях страны. Руководство деятельностью краеведческих музеев в области этнографии со стороны центральных научных учреждений остается недостаточным. Отсутствуют методические пособия, программы и инструкции по краеведческой этнографической работе; остается невыполненным решение II Географического съезда о развертывании этнографической работы в Географическом обществе, особенно в его местных отделениях.

6. Не реализовано решение совещания 1951 г. по такому важнейшему вопросу, как восстановление Музея народов СССР в столице нашей родины — Москве. Серьезную тревогу вызывает положение старейшего музея страны — Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, который уже много лет не пополняется новыми коллекциями и ценнейшие фонды которого находятся в непригодных помещениях. Тяжелое положение этого музея было справедливо отмечено в резолюции, принятой активом ленинградских учреждений АН СССР.

7. Недопустимо отстает научно-техническое оснащение этнографических учреждений (отсутствие лабораторной базы, современного научного оборудования, специализированных транспортных экспедиционных средств и т. д.); отсутствием средств на приобретение этнографических экспонатов грозит тяжелыми последствиями для будущего этнографической науки в нашей стране и ее этнографических музеев.

8. Все больше растет разрыв между подготовленными к печати этнографическими работами и возможностями их издания, в связи с чем скопилось большое количество трудов, ожидающих опубликования. Недостаточен объем журнала «Советская этнография», выходящего всего 4 раза в год (12 п. л. на номер).

III. Этнографическое совещание считает:

1. В основу программы дальнейшего развития этнографической науки должны быть положены задачи, поставленные перед учеными XX съездом Коммунистической партии Советского Союза. Съезд призвал ученых приблизить науку к нуждам строительства коммунистического общества в нашей стране, помочь прогрессивным силам в их борьбе за мир, прогресс и демократию во всем мире.

Исторические решения XX съезда партии мобилизуют советских ученых на всемерное развитие творческой активности, смелую постановку и разработку больших на-

учных проблем, призывают их обогащать советскую науку новыми открытиями и обобщениями. Эти задачи могут быть успешно решены только при условии глубокого овладения фактами, строгого объективного подхода к анализу изучаемых явлений, развертывания критики и самокритики, решительной борьбы с догматизмом, несовместимым с подлинной наукой.

2. Совещание считает одной из важнейших задач советских этнографов продолжение и углубление исследований в области изучения социалистической культуры и быта народов СССР. Особенно необходимо усилить разработку тематики, связанной с изучением рабочего быта; работы по этой тематике должны быть включены в число координируемых.

Совещание одобряет инициативу Института этнографии, включившего в план подготовку совместно с рядом местных учреждений страны сборника исследований по быту рабочих.

Подчеркивая серьезное теоретическое и практическое значение проблемы национальной консолидации народов СССР, которые до победы Великой Октябрьской революции еще не успели сложиться в нации, совещание рекомендует продолжать разработку этой темы силами разных научных учреждений страны.

3. Совещание считает, что основное место в этнографических исследованиях, посвященных народам колониальных и зависимых стран, попрежнему должно занимать изучение современного положения этих народов. Усиливающийся год от года кризис и распад колониальной системы придает этим работам особую актуальность.

4. Совещание признает правильной критику в адрес востоковедов, прозвучавшую с трибуны XX съезда КПСС, и считает, что советским этнографам-востоковедам надлежит сделать из этой критики серьезные выводы. Необходимо в возможно более сжатые сроки преодолеть недопустимое отставание в этнографических исследованиях и публикациях по народам стран Востока — Индии, Бирмы, Индонезии и других. Особое внимание должно быть уделено изучению народов Китая. Совещание считает необходимой постановку исследования этнографии зарубежных народов в академиях наук союзных республик.

5. Одной из центральных проблем, разрабатываемых в этнографических учреждениях СССР, является изучение этнического состава и этнических особенностей народов мира. Отмечая большую работу Института этнографии АН СССР по подготовке серии томов «Народы мира» (первый том — «Народы Африки» вышел из печати и получил одобрение советской и зарубежной научной общественности, три других тома — «Народы Австралии и Океании», «Народы Сибири», «Народы Передней Азии» — должны в 1956 г. выйти в свет), совещание рекомендует предусмотреть в планах республиканских академий и других этнографических учреждений страны работы, связанные с подготовкой к печати томов «Народы Средней Азии» и «Народы Европейской части СССР». Вместе с тем совещание считает крайне желательным участие зарубежных ученых в подготовке соответствующих разделов этого издания.

Совещание считает целесообразным поставить перед Президиумом АН СССР вопрос о необходимости обеспечить своевременное издание томов этой серии на высоком полиграфическом уровне.

Придавая большое значение работам по подготовке историко-этнографических атласов, совещание рекомендует этнографическим учреждениям страны развернуть работу в этом направлении. Эти темы следует включить в планы академий наук Украины, Белоруссии, Прибалтики, Средней Азии, Кавказа, а также филиалов АН СССР.

Совещание просит Президиум АН СССР и Президиумы академий наук союзных республик обратить внимание на важность обеспечения полиграфической базы для издания атласов.

7. Совещание обращает внимание на необходимость комплексной разработки проблем этногенеза и этнической истории, в частности на необходимость более тесного контакта этнографов, антропологов и археологов с лингвистами, на организацию новых комплексных экспедиций (Волго-Уральской и др.). Этнографическое совещание рекомендует созыв конференций, посвященных отдельным проблемам этногенеза и этнической истории, в столицах союзных и автономных республик.

Совещание обращает внимание Президиума АН СССР и Президиумов академий наук союзных республик на необходимость скорейшей публикации диалектологических атласов.

8. Совещание отмечает, что одним из важных участков деятельности советских этнографов остается изучение вопросов истории первобытного общества. Эти исследования должны вестись на основе анализа конкретного материала по разным народам.

9. Этнографическое совещание считает необходимым резко усилить работу по изучению истории религии и религиозных пережитков. Этнографические и краеведческие музеи с их обширными коллекциями должны стать опорными пунктами наглядной научно-атеистической пропаганды.

10. Исходя из того, что фольклористика неотделима от этнографии, совещание считает необходимым пересмотреть существующую систему организации фольклорной работы с точки зрения сближения фольклористических и этнографических исследований. Совещание рекомендует включить фольклорную тематику в планы этнографических учреждений, а также признает необходимым участие фольклористов и специалистов по народному искусству в комплексных экспедициях.

Совещание приветствует намечаемое создание в системе Академии наук Украинской ССР Института народного творчества и Института этнографии и в системе Академии наук Грузинской ССР Института этнографии.

11. Отмечая положительный опыт Института этнографии АН СССР в организации и проведении комплексных экспедиций и координации работы с республиканскими академиями наук, совещание рекомендует всемерно развивать эти формы работы.

Совещание обращает внимание этнографических учреждений на необходимость предусматривать средства на дублирование полевого материала, собираемого объединенными комплексными экспедициями.

В полевой этнографической работе следует, в зависимости от тематики и задач, сочетать методы сплошного маршрутного обследования, тематических обследований и длительных стационарных работ.

Совещание просит Институт этнографии АН СССР взять на себя организацию подготовки сборника, посвященного принципам и методам полевой этнографической работы.

Совещание обращается к Президиуму Академии наук СССР и Президиумам академий наук союзных республик с просьбой добиться в Министерстве финансов ассигнования средств на приобретение этнографических экспонатов.

12. Совещание обращает внимание на необходимость коренного перелома в организации зарубежных экспедиций и командировок, имеющих особенное значение для этнографов и антропологов, базирующих свои исследования на полевых экспедиционных материалах. Крайне желателен взаимный обмен студентами и аспирантами с другими странами.

13. Совещание считает крайне необходимым дальнейшее развертывание антропологических исследований в СССР (в частности, усиление работ на Украине и в Белоруссии). Содержание антропологических исследований должно быть расширено, особенно в области усиления морфологических исследований. Должны быть обеспечены надлежащей лабораторной базой и техническим оснащением антропологические работы, ведущиеся в Институте этнографии АН СССР и в других учреждениях. Важнейшей задачей продолжает оставаться организация совместно с археологами, палеонтологами и геологами планомерных поисков костных остатков палеоантропов на территории СССР. Необходимо организовать определение абсолютного возраста костных остатков методами современной физики.

14. Этнографическое совещание полагает целесообразным обратить внимание Министерства культуры СССР и министерств культуры союзных республик на неблагоприятное положение с этнографической работой в краеведческих музеях и просит их принять действенные меры для восстановления этнографических экспозиций и развертывания этнографической работы во всех краеведческих музеях страны.

Совещание настоятельно просит Президиум АН СССР войти в правительство СССР с ходатайством о восстановлении в г. Москве центрального этнографического музея народов СССР, который должен стать сосредоточием научно-экспозиционной и музейно-хранительской работы в области этнографии.

Совещание считает крайне желательной организацию этнографических музеев в столицах союзных республик (Киев, Тбилиси и др.).

15. Совещание просит дирекцию Института этнографии АН СССР войти в Министерство высшего образования и в Министерство просвещения с разработанным проектом расширения преподавания этнографии и антропологии в высших учебных заведениях страны. В частности, необходимо ввести обязательное преподавание этнографии на географических и восточных факультетах университетов, на исторических и географических факультетах педагогических институтов.

Важнейшей задачей в связи с этим является скорейшее издание университетского курса общей этнографии.

16. Совещание считает необходимым просить Президиумы академий наук союзных республик обеспечить издание уже подготовленных иготавливаемых этнографических исследований и материалов, а также просит Министерство культуры СССР возобновить публикацию «Материалов по этнографии», издававшихся Этнографическим отделом Русского Музея.

17. Совещание просит Президиум АН СССР увеличить периодичность издания журнала «Советская этнография» до 6 номеров в год и объем журнала до 15 п. л. в каждом номере. Кроме того, совещание считает нужным просить Министерство культуры УССР возобновить издание журнала «Народное творчество».

18. Совещание рекомендует журналу «Советская этнография» систематически созывать читательские конференции, а также регулярно публиковать материалы об этнографических совещаниях, проводимых в центре и на местах.

19. Совещание рекомендует Институту этнографии АН СССР войти с представлением в Президиум АН СССР об издании в 1956—1957 гг. Трудов совещания. Кроме того, совещание считает необходимым просить Институт этнографии АН СССР опубликовать настоящую резолюцию в журнале «Советская этнография» и отдельным изданием для широкой рассылки в местные этнографические учреждения и организации.

20. Совещание выражает уверенность, что советские антропологи, этнографы и фольклористы в содружестве с прогрессивными учеными других стран приложат все усилия для успешного развития этих областей знаний.